

Часть первая

---

*Сен-Перрон
Октябрь 1916 г.*

Мне снилась еда. Хрустящие багеты, настоящий белый хлеб только что из печи, выдержанный сыр с промытой корочкой, расплзающейся по краям тарелки. Виноград и сливы в тазах, темные и ароматные, наполняющие благоуханием воздух в доме. Я протянула руку, чтобы взять тяжелую гроздь, но сестра меня остановила.

— Убирайся! — пробормотала я. — Я хочу есть!

— Софи, просыпайся!

От одного вида сыра у меня потекли слюнки. Я собиралась намазать реблошон на теплый белый хлеб и заесть виноградом. Во рту уже стоял его сладкий вкус, я вдыхала терпкий аромат.

И все испортила сестра, положившая руку мне на запястье. Запахи испарились, тарелки исчезли. Я пыталась дотянуться до них, но они лопались, как мыльные пузыри.

— Софи!

— *Что?!*

— Они взяли Орельена.

Я перевернулась на бок и недоуменно заморгала. У сестры на голове, так же как и у меня, был надет для тепла хлопковый чепец. Даже в неверном свете свечи я видела, что она бледна как смерть, а глаза расширены от ужаса.

— Они взяли Орельена. Там, внизу.

У меня в голове начало потихоньку проясняться. Снизу раздавались мужские крики, голоса гулко разносились по вымощенному камнем внутреннему двору, в курятнике громко квохтали куры. Несмотря на непроглядную темень, я чувствовала, как воздух прямо-таки дрожит от напряжения. Я села на кровати, поплотнее завернувшись в ночную рубашку, и попыталась зажечь свечу на прикроватном столике.

Потом бросилась мимо сестры к окну и увидела во дворе солдат, хорошо заметных в свете фар военного грузовика, и своего младшего брата, закрывавшего голову руками в напрасной попытке защититься от обрушивающихся на него со всех сторон ударов оружейных прикладов.

— Что происходит?

— Они узнали о свинье.

— Как?!

— Должно быть, месье Сюэль донес на нас. Я услышала их крики из своей комнаты. Они говорят, что заберут Орельена, если тот не скажет, где свинья.

— Орельен будет молчать, — ответила я.

Мы вздрогнули, точно от боли, услышав, как вскрикнул наш младший брат. Я посмотрела на сестру и с трудом узнала ее. Она выглядела на все сорок пять, хотя ей было двадцать четыре. Я прекрасно знала, что у меня на лице написан такой же страх. Случилось то, чего мы и боялись.

— С ними комендант. Если они найдут ее, — дрожащим голосом прошептала Элен, — нас всех арестуют. Ты ведь знаешь, что случилось в Аррасе. Они накажут нас, чтобы другим неповадно было. Что тогда будет с детьми?!

Мысли путались у меня в голове. Страх, что брат может заговорить, лишал возможности соображать здраво. Я набросила на плечи шаль и на цыпочках снова подошла к окну, чтобы еще раз посмотреть, что происходит во дворе. Приход коменданта говорил о том, что к нам забрели не просто пьяные солдаты, жаждущие дать выход чувству неудовлетворенности путем раздачи тумачков и угроз. Нет, на сей раз мы действительно были в беде. Его присутствие свидетельствовало о том, что мы совершили серьезное преступление.

— Софи, они обязательно найдут ее. В считанные минуты. А тогда... — От ужаса голос Элен поднялся до крика.

Меня терзали мрачные мысли. Я закрыла глаза. И снова открыла.

— Ступай вниз, — твердо сказала я. — Сделай вид, будто ничего не знаешь. Спроси, в чем провинился Орельен. Поговори с комендантом. Постарайся его отвлечь. Тяни время, чтобы я все успела, до того как они ворвутся в дом.

— А что ты собираешься делать?

— Иди! — крепко схватила я ее за руку. — Иди. Но ничего им не говори. Поняла? И от всего *отпирайся!*

После секундного колебания сестра, подметая пол подолом ночной рубашки, побежала по коридору. Никогда еще я не чувствовала себя такой одинокой, как в те несколько секунд. Страх холодной рукой сжимал горло, а ответственность за судьбу семьи тяжелым бременем давила на плечи. Я бросилась в отцовский кабинет и при-

нялась лихорадочно рыться в недрах массивного письменного стола, выбрасывая содержимое ящичков на пол: старые пишущие ручки, клочки бумаги, детали от сломанных часов и какие-то древние счета, — пока наконец, благодарение Господу, не нашла то, что искала. Затем сбежала вниз, открыла дверь в погреб и спустилась по холодным каменным ступеням, настолько родным и знакомым, что, несмотря на жуткую темень, я вполне могла бы обойтись без призрачного света свечи. Я подняла тяжелый засов на двери, ведущей в соседний погреб, который когда-то был до потолка заставлен бочонками пива и хорошего вина, откатила в сторону пустую бочку и открыла дверцу старой чугунной печи для выпечки хлеба.

Поросенок, лежавший на соломенной подстилке, сонно заморгал глазками. Он встал на ноги, посмотрел на меня и недовольно захрюкал. Я, наверное, уже рассказывала вам историю этой свиньи? Мы стянули ее во время реквизиции на ферме месье Жирара. Милостью Божьей он отбился от стада свиней, что немцы загоняли в кузов грузовика, и мгновенно нашел приют под пышными юбками старой мадам Полин. Мы неделями откармливали его желудями и объедками в надежде, что, когда он нагуляет вес, мы сможем пустить его на мясо. Весь прошлый месяц обитатели «Красного петуха» жили надеждой отведать сочной свининки с хрустящей корочкой.

Снаружи снова донесся короткий вопль брата, затем — торопливый умоляющий голос сестры и резкий окрик немецкого офицера. Поросенок вполне осмысленно посмотрел на меня умными глазками, словно уже знал, что его ждет.

— Прости, mon petit¹, — прошептала я. — Но у меня нет другого выхода. — И с этими словами опустила руку.

1 Малыш (фр.). — Здесь и далее прим. перев.

Затем я разбудила Мими, велев ей идти за мной, но только молча. Бедная девочка успела всего навидаться за последние месяцы, поэтому послушалась беспрекословно. Она посмотрела, как я беру на руки ее грудничка-братика, выскользнула из кровати и доверчиво вложила крошечную ручонку в мою руку.

В воздухе, в котором уже чувствовалось приближение зимы, стоял запах дыма от печки, слегка протопленной ранним вечером. Я выглянула из-под каменного свода задней двери и, увидев коменданта, заколебалась. Это был не господин Бекер, которого мы хорошо знали и глубоко презирали, а какой-то высокий стройный мужчина. Даже в темноте я сумела разглядеть на его чисто выбритом бесстрастном лице наличие интеллекта, а не воинствующей серости, и это меня страшно испугало.

Новый комендант с интересом смотрел на наши окна, возможно уже прикидывая в уме, не подойдет ли наше жилище для постоя. Оно было явно лучше, чем ферма Фурье, где квартировали старшие офицеры. Комендант, похоже, хорошо понимал, что наш дом, расположенный на возвышенности, дает ему прекрасный обзор всего города. А кроме того, у нас имелись конюшни и десять спален. Остатки прежней роскоши с тех времен, когда дом был процветающим отелем.

Элен лежала на брусчатке и, раскинув руки, закрывала собой Орельена.

Один из солдат вскинул ружье, но комендант жестом остановил его.

— Встать! — приказал он.

Элен неловко отползла назад, подальше от коменданта. Ее лицо исказилось от ужаса.

Я почувствовала, как Мими, увидев мать, еще крепче сжала мою руку. И ответила ей легким пожатием, хотя

почувствовала, что душа ушла в пятки. Тогда я сделала шаг вперед и произнесла звенящим голосом:

— Что, ради всего святого, здесь происходит?

Комендант, явно удивленный моим тоном, бросил взгляд в мою сторону. Он увидел вышедшую из-под свода двери молодую женщину с ребенком у подола и запеленутым младенцем на груди. Мой ночной чепец съехал набок, а белая ночная рубашка так прохудилась, что сквозь нее просвечивало тело. В душе я молилась, чтобы комендант не услышал, как громко стучит мое сердце.

— Ну а теперь за какой такой проступок ваши люди решили нас наказать? — обратилась я прямо к нему.

Наверняка ни одна женщина не осмеливалась с ним так разговаривать. Похоже, он не слышал ничего подобного с тех пор, как покинул дом. Все словно онемели от удивления, и во дворе повисло напряженное молчание. Брат и сестра, лежавшие на земле, посмотрели в мою сторону, так как оба прекрасно понимали, чем чревата для нас всех моя строптивость.

— Кто вы такая?

— Мадам Лефевр.

Я заметила, что он явно проверяет наличие у меня обручального кольца. Напрасный труд! Как и большинство местных женщин, я обменяла его на еду.

— Мадам, у нас имеется информация, что вы незаконно скрываете домашний скот.

Говорил он спокойно, французский его был вполне сносным, что свидетельствовало о продолжительном пребывании на оккупированной территории. Такого человека явно не возьмешь на испуг.

— Домашний скот?

— Мы узнали из надежного источника, что вы прячете в доме свинью. Вам, должно быть, известно, что, со-

гласно постановлению командования, за укрывательство домашнего скота полагается тюремное заключение.

— Я точно знаю, кто именно вас информировал, — выдержав его взгляд, ответила я. — Месье Сюэль. *Non?*¹

Лицо у меня горело, волосы, заплетенные в длинную косу, были наэлектризованы так, что покалывало затылок.

Комендант повернулся к одному из своих подчиненных. У того забегали глаза, что только подтвердило мои подозрения.

— Господин комендант, месье Сюэль навещался к нам по крайней мере два раза в месяц, чтобы убедить нас, что в связи с отсутствием наших мужей мы нуждаемся в его заботе и внимании. Но поскольку мы пренебрегли его добротой, он отомстил нам, начав распускать сплетни и даже угрожать нашей жизни.

— Власти пользуются только заслуживающими доверия источниками.

— Посмею усомниться, господин комендант, поскольку ваш сегодняшний визит свидетельствует об обратном.

В ответ он как-то странно посмотрел на меня и, повернувшись на каблуках, направился к входной двери. Его шаги эхом отдавались по каменному двору. Путаясь в длинной рубашке, я с трудом поспевала за ним. Как мне было известно, сам факт, что я столь смело заговорила с ним, мог быть инкриминирован мне как преступление. И тем не менее в тот момент я больше не испытывала страха.

— Посмотрите на нас, господин комендант! Разве мы похожи на тех, кто объедается говядиной, или жареной бараниной, или свиным филе? — спросила я, и он

1 Не так ли? (*фр.*)

установился на мои костлявые запястья, торчащие из рукавов рубашки. Только за прошлый год моя талия уменьшилась на два дюйма. — Неужто мы так разжирили на доходах от нашего отеля? Из двух дюжин кур у нас остались только три. Три курицы, которые мы имеем счастье кормить и поить, чтобы отдавать вашим людям яйца. Мы же сидим на скудном пайке, определенном для нас немецкими властями: немного мяса и муки, которых раз от разу становится все меньше, да хлеб из зерна с отрубями, что даже на корм для свиней не годится.

Но он уже шел, печатая шаг, шел по коридору. Поколебавшись, он открыл дверь в бар и пролаял какой-то приказ. Выросший словно из-под земли солдат протянул ему лампу.

— У нас нет молока для младенцев, наши дети плачут от голода, мы боеем от недоедания. А вы тем временем заявляете среди ночи, угрожаете двум беспомощным женщинам, жестоко обращаетесь с невинным мальчиком, бьете и запугиваете нас только потому, что бесчестный человек распустил слух, будто мы *жируем!*

У меня тряслись руки. Младенец извивался и дергался. Я поняла, что от нервного напряжения слишком сильно его сжала. Тогда я, слегка попятившись, поправила шаль и успокоила малыша. Затем подняла голову, не в силах скрыть звучащие в голосе горечь и злость.

— Тогда обыщите наш дом, господин комендант. Переверните его вверх дном и разруьте то немногое, что еще уцелело. Можете обшарить и надворные постройки — те, которые ваши солдаты пока не успели пустить на дрова для собственных нужд. Надеюсь, когда вы найдете свою мифическую свинью, они смогут хорошо пообедать.

Я стойко выдержала непроницаемый взгляд коменданта, чего он явно не ожидал. Посмотрев в окно, я уви-

дела, что сестра в надежде остановить кровь промокает подолом раны Орельена. Над ними возвышались трое немецких солдат.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я заметила озадаченное выражение на лице коменданта. Опешившие солдаты ждали его распоряжений. Он, конечно, мог приказать им разобрать дом до основания и арестовать нас всех в наказание за внезапную вспышку моего гнева. Но я прекрасно понимала, что сейчас он думает о том, не ввел ли его в заблуждение месье Сюэль. Комендант был явно не тот человек, который любит, чтобы его ставили в дурацкое положение.

Когда мы с Эдуардом играли в покер, он всегда со смехом говорил, что со мной лучше не связываться, так как по моему лицу невозможно было ничего понять. И сейчас я напредила себе о его словах, поскольку вела самую важную игру в своей жизни. И вот так мы стояли, глядя друг другу прямо в глаза. Комендант и я. И казалось, весь мир на секунду застыл вокруг нас: я слышала отдаленные раскаты орудий, сухой кашель сестры, тихую возню наших тощих кур в курятнике. А потом все стихло. Мы сошлись лицом к лицу, и каждый из нас поставил на правду. Клянусь, что могла пересчитать удары своего сердца.

— Что это?

— Что именно?

Комендант поднял лампу повыше, и в тусклом бледно-золотом свете нашим глазам предстала картина: мой портрет, который Эдуард написал, когда мы только-только поженились. Именно такой я и была в наш первый год: густые волосы блестящей волной лежат на плечах, кожа чистая и сияющая, уверенный взгляд женщины, которая знает, что любима. Несколько недель назад я принесла портрет из укромного места и повесила здесь,

заявив, что будь я проклята, если позволю немцам решать, на что мне смотреть в моем доме, а на что — нет.

Комендант поднял лампу повыше, чтобы лучше разглядеть картину.

«Не вешай ее сюда! — предупреждала меня Элен. — Накличешь беду».

Наконец, с трудом оторвав глаза от портрета, он повернулся ко мне. Внимательно посмотрел на мое лицо, затем — снова на портрет.

— Портрет писал мой муж, — объяснила я, сама не понимая зачем.

Возможно, из-за желания дать выход благородному гневу. Возможно, из-за разительного контраста между девушкой на портрете и той, что стояла сейчас перед комендантом. Возможно, из-за плачущей белокурой девушки, что держалась за мою юбку. А может быть, за два года оккупации и самому коменданту надоело строжить нас за малейшую провинность.

Оторвав глаза от носков сапог, он задержал взгляд на картине:

— Мадам, полагаю, каждый из нас обозначил свою позицию. Но разговор еще не закончен. Однако сегодня я вас больше не беспокою.

Он заметил плохо скрытое изумление на моем лице и явно остался этим доволен. Видимо, ему было достаточно того, что я почувствовала себя обреченной. Да, в уме и пронизательности ему не откажешь. Так что впредь мне следовало быть осторожней.

— Солдаты, кругом!

Солдаты послушно развернулись, промаршировали к грузовику и очень скоро превратились в неясные силуэты в свете фар. Я проследовала за комендантом, оставившись на пороге. Последнее, что я услышала, был его приказ водителю ехать в город.

Мы молча смотрели, как военный грузовик, освещая себе путь фарами, ползет обратно по разбитой дороге. Элен всю трясло. Она с трудом поднялась на ноги, поднесла сжатую в кулак руку ко лбу, глаза ее были закрыты. Орельен взял за руку Мими и теперь неловко топтался возле меня, явно стыдясь своих детских слез. Я терпеливо ждала, пока вдали не стихнет рев мотора. Наконец грузовик с протестующим воем взобрался на гору.

— Орельен, ты как? — ошупала я его голову.

Поверхностные раны. И кровоподтеки. Кем же надо быть, чтобы так наброситься на безоружного мальчика?!

— У меня ничего не болит, — скривившись, ответил он. — Им не удалось меня запугать.

— Я думала, он тебя арестует. Думала, нас всех арестуют, — подала голос сестра. Мне всегда становилось страшно, когда она выглядела вот так: словно шла по краю пропасти. Смахнув слезы, она с вымученной улыбкой наклонилась обнять дочь. — Глупые немцы! Пришли нас поугубить. Так ведь? А твоя глупая мамочка испугалась. — (Малышка очень серьезно, молча смотрела на мать. Интересно, услышу ли я еще когда-нибудь ее смех?) — Простите. Я уже в порядке, — продолжила Элен. — Пошли в дом. Мими, у нас еще осталось немного молока. Сейчас я тебе согрею. — Вытерев руки об окровавленную ночную рубашку, она протянула их ко мне, чтобы забрать младенца: — Давай я возьму у тебя Жана.

И тут я почувствовала, что вся дрожу, будто только теперь осознала, как все же, должно быть, тогда испугалась. Ноги сразу стали ватными, словно вся их сила ушла в бульжник, которым был вымощен двор. Мне срочно нужно было присесть.

— Да, — кивнула я. — Думаю, так будет лучше.

Сестра отдернула руки и вскрикнула. В одеяльце был аккуратно завернут поросенок, и только розовый пяточок с щетинками торчал наружу.

— Жан спит наверху, — сказала я. Чтобы не упасть, мне пришлось прислониться к стене.

Орельен заглянул сестре через плечо. Оба они, онемев, смотрели на поросенка.

— Mon Dieu!

— Он что, мертвый?

— Нет. Под хлороформом. Я вспомнила, что в кабинете сохранилась бутылочка. Осталась еще с тех времен, когда папа коллекционировал бабочек. Думаю, он скоро проснется. Но нам необходимо найти для него другое место, прежде чем они вернутся. А они непременно вернутся.

И тогда Орельен растянул губы в скупой улыбке. Элен наклонилась, чтобы показать Мими спящего поросенка, и та довольно улыбнулась. Элен трогала смешное рыльце и всплескивала руками, будто не могла поверить, что это и вправду он.

— Неужели ты все это время держала на руках поросенка? Прямо у них перед носом?! А потом еще и устроила им разнос за то, что *пришли сюда!* — словно не веря себе, воскликнула она.

— Прямо перед их свиными рылами, — вставил Орельен, к которому вернулась его обычная бравада. — Ха! Ты держала его прямо у них перед рылом.

Я опустила на холодный булыжник и захохотала так, что свело скулы, и я уже не знала, то ли смеюсь, то ли плачу. Брат, похоже решивший, что у меня истерика, взял меня за руку и сел рядом. Ему исполнилось четырнадцать. Он мог разозлиться совсем как взрослый мужчина, но иногда совсем по-детски нуждался в утешении.

Элен до сих пор пребывала в глубокой задумчивости.

— Если бы я только знала... — начала она. — Софи, как тебе удалось стать такой смелой? Сестричка ты моя

ДЕВУШКА, КОТОРУЮ ТЫ ПОКИНУЛ

младшая! Кто тебя такой сделал? Ведь когда мы были детьми, ты была тихой как мышка! Как мышка!

Но я не была уверена в том, что знаю ответ.

Потом, когда мы наконец вернулись в дом и Элен принялась возиться с кастрюлькой для молока, а Орельен — смывать кровь с разбитого лица, я застыла перед портретом.

Девушка... Девушка, на которой женился Эдуард, смотрела на меня с тем выражением, которое я перестала узнавать. Он заметил его у меня раньше других: эта улыбка говорила о тайном знании или об удовольствии, полученном или подаренном другому. Когда парижские друзья Эдуарда удивлялись, как тот мог влюбиться в простую продавщицу, он только улыбался в ответ, поскольку уже тогда разглядел во мне то, что не видели другие.

Но я так и не выяснила, знал ли он, что загадочным взглядом я обязана только ему.

Постояв перед портретом несколько секунд, я вспомнила, каково было быть той девушкой — не терзаемой голодом и страхом, а занятой исключительно мыслями о минутах, которые она проведет наедине с Эдуардом. Я вспомнила о том, что мир полон красоты и в нем существуют такие вещи, как искусство, радость и любовь, а не только страх, суп из крапивы и комендантский час. И глаза девушки на картине напомнили мне об Эдуарде, о том, что я стойкий оловянный солдатик и у меня еще осталось достаточно сил, чтобы воевать.

Клянись тебе, Эдуард, когда ты вернешься, я снова стану той девушкой, портрет которой ты написал.

История о поросенке-младенце к обеду стала достоянием большинства жителей Сен-Перрона. Посетители шли в бар «Красного петуха» бесконечным потоком, хотя мы не могли предложить им ничего, кроме кофе из цикория; запасы пива пополнялись от случая к случаю, и у нас оставалось только несколько бутылок безумно дорогого вина. Поразительно, сколько людей зашло, просто чтобы пожелать нам хорошего дня.

— И ты устроила ему головомойку? Велела ему убираться? — Старик Рене усмехался в усы и, держась за спинку стула, вытирал с глаз выступившие от смеха слезы.

По его просьбе мы четырежды повторили эту историю, и с каждым разом Орельен расцветчивал ее новыми подробностями, договорившись до того, что самолично сражался с комендантом на саблях, а я в это время кричала:

— Der Kaiser ist Scheiss!¹

Я обменялась понимающей улыбкой с Элен, которая подметала пол в кафе. В принципе, мне было все равно.

1 Кайзер — дерьмо! (нем.)

Ведь в последнее время в нашем городке было так мало поводов что-либо праздновать.

— Впредь следует быть осторожнее, — сказала Элен, когда Рене, приподняв шляпу в знак почтения, наконец ушел. Мы увидели, как, проходя мимо почтового отделения, Рене снова согнулся в приступе неудержимого веселья, а потом вытер глаза. — Эта история распространяется слишком быстро.

— Никто ничего не скажет. Все ненавидят бошей, — пожалала я плечами. — К тому же все хотят получить свой кусочек свинины. Вряд ли они станут доносить на нас прежде, чем им подадут на стол их еду.

Рано утром мы незаметно переместили поросенка к соседям. Несколько месяцев назад Орельен раскалывал на дрова старые бочки из-под пива. Именно тогда он обнаружил, что наш, состоящий из множества поворотов винный погреб отделяет от соседского, семьи Фубер, только стена толщиной в кирпич. С помощью Фуберов мы осторожно вынули несколько кирпичей, и образовавшаяся дыра стала дорогой к отступлению в последнее убежище. Когда Фуберы укрыли у себя молодого англичанина и к ним в сумерках неожиданно нагрянули немцы, мадам Фубер сделала вид, что не понимает, чего хочет от нее немецкий офицер, тем самым позволив парню незаметно проскользнуть в погреб и перебраться на нашу сторону. Боши перевернули вверх дном весь дом и даже обыскали погреб, но в тусклом свете ни один не заметил, что между кирпичами кое-где нет цемента.

Такова история нашей жизни: микроскопические мятежи, крошечные победы, мимолетная возможность высмеять наших угнетателей, утлое суденышко надежды в бушующем море неизвестности, лишений и страха.

— Ну как, познакомились с новым комендантом?

Мэр сидел за одним из столиков у окна. Когда я принесла ему кофе, он пригласил меня сесть рядом. Я часто думала о том, что оккупация осложнила ему жизнь, как никому другому: у него все время уходило на переговоры с немцами, чтобы выцыганить для города самое необходимое, но иногда они брали его в заложники с целью принудить непокорных горожан выполнять их требования.

— Ну, официально нас друг другу не представили, — поставив перед ним чашку, заметила я.

Он наклонился ко мне и понизил голос:

— Бекера отправили обратно в Германию комендантом одного из лагерей для военнопленных. Похоже, в его бухгалтерских книгах был беспорядок.

— И немудрено. Это единственный человек в оккупированной Франции, который за два года стал вдвое толще.

Я, конечно, шутила, но в то же время испытывала смешанные чувства по поводу его отъезда. С одной стороны, Бекер был грубым солдафоном, а его наказания отличались излишней суровостью, что объяснялось его двойственным положением и страхом уронить свой авторитет в глазах солдат. Но с другой — он был достаточно тупым — в силу чего не замечал многочисленных актов сопротивления горожан, — чтобы установить нужные взаимоотношения для пользы дела.

— И что скажете?

— О новом коменданте? Не знаю. Полагаю, могло быть и хуже. Он не будет брать быка за рога, как сделал бы Бекер, просто чтобы продемонстрировать силу, — поморщилась я. — Но он умный. Мы должны быть крайне осторожны.

— И как всегда, мадам Лефевр, мы мыслим в одном направлении, — улыбнулся мне мэр, но глаза его оставались серьезными.

А я ведь помню время, когда он был веселым, буйным и очень добродушным: на всех городских собраниях его голос звучал громче других.

— На этой неделе что-нибудь предвидится?

— Думаю, немного бекона. И кофе. Чуть-чуть масла. Надеюсь узнать нормы продуктов сегодня чуть позже.

Мы посмотрели в окно. Старик Рене уже проходил мимо церкви, но остановился поговорить со священником. Нетрудно было угадать, что именно они обсуждали. Когда священник расхохотался, а Рене согнулся пополам уже в четвертый раз за утро, я не сдержалась и захихикала.

— Есть какие-нибудь известия от мужа?

— С августа, когда я получила от него открытку, ничего не было, — повернувшись к мэру, ответила я. — Он был под Амьеном. Но в открытке много не скажешь.

«Я думаю о тебе день и ночь, — писал он своим красивым затейливым почерком. — Ты моя путеводная звезда в этом безумном мире». Получив открытку, я две ночи не смыкала глаз от терзающего меня беспокойства, пока Элен не объяснила мне, что слова «этот безумный мир» можно в той же степени использовать применительно к миру, где приходится сидеть на одном хлебе, причем таком черством, что надо брать секач, чтобы его резать.

— В последний раз я получил весточку от старшего сына где-то около трех месяцев назад. Они выдвинулись по направлению к Камбре. Но он сказал, что не теряет бодрости духа.

— Надеюсь, с ними все в порядке. А как поживает Луиза?

— Неплохо, спасибо.

Его младшая дочь родилась парализованной, практически не росла, могла принимать только определенную

пищу и в свои одиннадцать лет не вылезала из болезней. И все жители нашего городка как один пеклись о ее благополучии. Если у кого-то вдруг появлялось молоко или сушеные овощи, малая толика этих драгоценных продуктов обязательно попадала в дом мэра.

— Когда она снова окрепнет, передайте, что Мими справлялась о ней. Элен шьет ей куклу — точную копию куклы Мими. И малышка интересуется, не сёстры ли они.

— Твои девочки слишком добры ко мне, — похлопал мэр меня по руке. — Я благодарю Господа, что ты вернулась сюда, хотя могла остаться в Париже, где была бы в полной безопасности.

— Фу! А где гарантия того, что боши уже в ближайшее время не будут маршировать по Елисейским Полям? Кроме того, не могла же я бросить Элен здесь одну?!

— Да, без тебя она точно не выжила бы! Ты стала чудесной молодой женщиной. Париж явно пошел тебе на пользу.

— Мне на пользу явно пошло замужество.

— Господи, спаси и сохрани твоего мужа! Спаси и сохрани всех нас! — Мэр, улыбнувшись, надел шляпу и раскланялся.

Сен-Перрон, где семья Бессетт из поколения в поколение держала отель «Красный петух», оказался одним из первых французских городов, оккупированных немцами осенью 1914-го. Нам с Элен, давным-давно осиротевшим и отправившим мужей на фронт, выпала нелегкая доля стараться сохранить отель на плаву. Но не мы одни взвалили себе на плечи мужскую работу: в магазинах, школе и на окрестных фермах управлялись в основном женщины; им помогали только старики и мальчишки. К 1915-му в городе практически не осталось мужчин.

В первые месяцы дела у нас шли отлично, поскольку через город проходили французские войска, а вслед за ними — англичане. Еды было вдоволь, солдаты маршировали под музыку и приветственные крики, и всем нам казалось, что война кончится в худшем случае через несколько месяцев. Практически ничего не напоминало об ужасах, что творились в сотнях миль от нас: мы подкармливали тащившихся через город бельгийских беженцев, их скудные пожитки тряслись на тележках; некоторые так и остались в чем были, когда им пришлось бежать из дома. Иногда, когда ветер дул с востока, мы слышали далекие раскаты орудий. И хотя мы прекрасно понимали, что война уже совсем близко, мало кто верил, что Сен-Перрон, наш гордый маленький город, может попасть в число тех, кто окажется под немецкой пятой.

Доказательство того, как жестоко мы заблуждались, пришло одним холодным тихим осенним утром вместе с ружейными выстрелами, когда мадам Фужер и мадам Дерин, как всегда без четверти семь отправившиеся в *buclangerie*¹, были убиты прямо посреди площади.

Я раздвинула шторы и не поверила своим глазам: на мостовой были распростерты тела двух женщин — двух семидесятилетних вдов, друживших всю свою сознательную жизнь, — головные платки съехали набок, пустые корзинки валялись возле их ног. Вокруг них расплылась густая красная лужа, образовавшая почти идеальный круг, словно брала начало из одного источника.

Позднее немецкие офицеры заявили, что их подстрелили снайперы, исключительно как акт устрашения. Похоже, они говорили одно и то же в каждой занятой ими деревне. Если боши хотели на корню пресечь все попытки к сопротивлению в нашем городе, то ничего лучшего,

1 Булочная (*фр.*).

чем убить двух незащищенных старых дам, придумать не могли. Но зверства на этом не закончились. Они подожгли несколько амбаров и выстрелами разнесли памятник мэру Леклерку. Через двадцать четыре часа они уже шли строем по главной улице. Мы стояли в дверях наших домов и магазинчиков и в оцепенелом молчании смотрели, как блестят на холодном осеннем солнце их Pickelhaube¹. Немногим оставшимся в городе мужчинам немцы приказали выйти вперед, чтобы пересчитать их.

Владельцы магазинов и торговых палаток тут же закрыли свои лавочки, отказавшись обслуживать бошей. Большинство из нас запаслись продовольствием, а потому не сомневались, что сумеют выжить. Наверное, мы полагали, что подобная бескомпромиссность заставит их сдать и уйти в другую деревню. Но затем комендант Бекер объявил, что каждый владелец магазина, заведение которого не откроется в обычное рабочее время, будет расстрелян на месте. И один за другим все лавки, boulangerie, boucherie², рыночные палатки и даже «Красный петух» снова открылись. Наш городок волей-неволей стал вести полную опасностей жизнь тайных мятежников.

Через восемнадцать месяцев покупать было уже нечего. Сен-Перрон был отрезан не только от соседних деревень, но и от новостей с воли и зависел исключительно от нерегулярных и весьма дорогостоящих поставок с черного рынка. Мы уже начали терять веру в то, что свободная Франция знает о наших страданиях. Если кто и питался нормально, так это немцы; их (наши) лошади были лоснящимися и упитанными, поскольку на корм скоту пускали молотую пшеницу, из которой мы собира-

1 Островерхая каска (в старой германской армии) (нем.).

2 Мясная лавка (фр.).

лись печь хлеб. Немцы опустошали наши винные погреба и забирали все, что выращивалось на наших фермах.

Но дело было не только в еде. Каждую неделю раздавался зловещий стук в дверь одного из жителей нашего городка и предъявлялся новый список подлежащих реквизиции вещей, в который входили: чайные ложки, занавески, тарелки, кастрюли, одеяла. Иногда сперва приходил только офицер. Он брал на заметку все ценное, а затем возвращался уже вместе солдатами, чтобы огласить список приглянувшихся ему предметов. Они оставляли нам долговые обязательства, по которым предположительно можно было получить деньги. Но в Сен-Перроне не нашлось ни одного человека, слышавшего, чтобы хоть кто-нибудь получил деньги.

— Что ты делаешь?

— Хочу перевесить картину. — Я убрала портрет из бара и повесила его в маленьком коридоре, подальше от любопытных глаз.

— А кто это? — заинтересовался Орельен, внимательно следивший за тем, как я перевешивала и поправляла картину.

— Я! — повернулась я к нему. — Неужто не узнаешь?

— Ох! — растерянно заморгал он.

Орельен вовсе не хотел меня обидеть: девушка на картине разительно отличалась от худой суровой женщины с серым цветом лица и измученными, усталыми глазами, которую я каждый день видела в зеркале. Я старалась не слишком часто на нее смотреть.

— Это написал Эдуард?

— Да. Когда мы поженились.

— Никогда не видел его картин. Я... я ожидал чего-то другого.